

Известие. — 1995. — 28 февр. — С. 7

Увлечение литовского режиссера Эймунтаса Некрошюса русской классикой общеизвестно. Еще свежи в памяти аплодисменты на премьере «Маленьких трагедий» А. Пушкина в Москве и Вильнюсе, на фестивале в Пскове, а Эймунтас уже ставит новый спектакль — по пьесе А. Чехова «Три сестры».

Некрошюс — фамилия в Литве распространенная. Новый министр культуры, например, носит ее. Но стоит лишь в разговоре упомянуть эту фамилию, как ваш собеседник обязательно уточнит: «Режиссер?». Для вильнюсского интеллигента не сходить кна Некрошюса» так же стыдно, как не знать, что трилогию о литовских великих князях написал Ю. Марцинкявичюс.

Впрочем, слава о театральном режиссере из Вильнюса давно перешагнула пределы Литвы. Причем зрительское и общественное признание пришло к нему удивительно быстро: в 36 лет, поставив лишь несколько пьес, он стал лауреатом Государственной премии СССР, Литовской ССР, народным артистом республики. Позже, в 1992 году, международное жюри в Италии признало его лучшим европейским режиссером, а совсем недавно он получил престижную премию Балтийской ассамблеи. Его спектакли полны неожиданных находок, порой эксцентричны и вместе с тем увлекательны, динамичны, просты. Трагическое часто перемешивается со смешным, балаганским, как это произошло с гоголевским «Носом», когда вместо отрезанного носа по сцене разгуливала совсем другая часть тела майора Ковалева. В этом — весь Эймунтас Некрошюс.

— Эймунтас, вы общепризнанный режиссер, увенчанный регалиями и наградами. Вам льстит такая популярность и слава одного из лучших режиссеров театра в Европе!

— Не льстит. Меня это не радует, но и не огорчает. Откровенно говоря, мне все равно, лауреат я или нет. Признания не добивался и такой цели — стать знаменитым — перед собой не ставил. Добиться можно болезни, смерти, а слава, почет — пустое. Суeta суeta. Меня вот на улицах не узнают — и слава Богу. Идет обычный долговязый 42-летний человек в джинсах, и ладно. Я живу тихо, замкнуто, не люблю толпы, презентаций и прочей мишуры. Мне хватает моей семьи, моей деревни, моих спектаклей, моей работы, которой сейчас живу.

— А что вы ставите!

— «Три сестры» Чехова.

— Постояли, вы вроде бы замаяхнулись на «Короля Лира» и даже, насколько мне известно, начали репетировать. Что же помешало продолжить работу!

— «Короля Лира» можно хитро поставить, а вот искренно... У меня нет на это сил. И денег нет. И сцены. Если ставить Шекспира понастоящему, то спектакль должен идти около 10 часов. Зритель должен пролежать большую внутреннюю работу и при этом не уйти со спектакля. Сомневаюсь, что сегодняшний зритель способен на такое, как, например, и я сам. Сейчас за одну минуту выдают столько информации, а у меня — 10 часов. Надо ли так мучиться? Наша жизнь сжата до предела, бежит на высоких скоростях, а тут я со

своим Лиром. Боюсь не выдержать напряжения. Боюсь, что начну хитрить. А «Три сестры» мне ближе, роднее. Сама пьеса не менее сложна, глубоководна, но более понятна, зрима. Я ощущаю ее, вижу, как надо ставить.

— «Три сестры» будет уже третьей чеховской пьесой, поставленной вами после «Иванова» и «Дяди Вани». А если к этому списку прибавить го-

голевский «Нос», пушкинские «Маленькие трагедии», то налицо тяготение к русской классике. Почему вы раз за разом обращаетесь к классическим образцам русской литературы?

— Во-первых, потому, что литература хорошая. А во-вторых, я ведь режиссерское образование получил в Москве, в ГИТИСе. Среди моих учителей — режиссер Театра имени Маяковского Андрей Гончаров. Поэтому неудивительно, что мне русская культура, литература очень близка. Я ее хорошо знаю, потому часто обращаюсь к ней. К тому же жена, Надежда, у меня русская, познакомилась в Москве. Интерес к русской классике понятен. Впрочем, не только к классике — я ведь ставил и «Пиромани», «Пиромани...» Коростылева и «...И дольше века длится день» Айтматова.

— Вы поставили около десяти спектаклей, и каждый пользовался огромным успехом, вызывая зрительский интерес и ажиотаж, ярые споры критиков. Вы просчитывали успех!

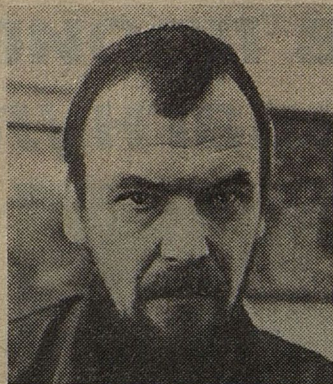
— Что вы, делать этого нельзя. Это — дурно. Меня мало волнует результат. Мне важен сам процесс работы над спектаклем. Убежден, стоит лишь начать ориентироваться на аплодисменты, просчитывать сценические ходы, творческий крах неизбежен. Не люблю слова «профессионализм». Режиссура для меня не труд, а хобби. Профессионально я кофе пью, курю, охочусь, а спектакль должен ставить как любитель, как, например, врач, чье хобби — пение в народном хоре. Не переносю, когда со сцены морализируют, учат, когда оттуда веет агрессивностью. Мне было бы стыдно, если бы я это делал: ведь в зале сидит много людей, которые куда умнее тебя, опытнее, талантливей, добрее. Достаточно того, что мои спектакли, как мне кажется,

пробуждают в людях добрые светлые чувства. Но специально к этому не стремлюсь. Меня не волнуют общественные, политические настроения, не вижу смысла подстраиваться под сегодняшний день.

— Даже газет не читаете!

— Грешен, читаю. И радио «Свобода» слушаю. Мне интересно знать, что происходит в мире. Но не сопереживать. На все события смотрю как бы со стороны, из окна. Наверно, я наблюдатель по характеру.

— А есть ли среди ваших работ самая любимая, близкая!

был столяром, делал мебель, строил дома. Сейчас в Шилуве, маленьком городке, — это богомольные места в Литве — живет моя мать. Раньше писал ей письма, а недавно поставили телефон в ее доме, стал больше звонить — ничего хорошего в этом нет... Часто езжу с семьей в Шилуву на своих стареньких «Жигулях»... Там я отдыхаю. Там мой дом, много знакомых. Там я не режиссер с налипшей славой, а просто Эймунтас Некрошюс. Там я могу посидеть с пьяницей, поговорить по душам, выпить, закусить консервами, сходить на охоту с друзьями. Там нет хитрости, полуправды и полуплжи. Может, я идеализирую, но меня можно понять — это моя родина.

— Словом, вы лучше останетесь дома с семьей, нежели пойдете, скажем, на богемную тусовку или костюмированную презентацию!

— Да. Семья — это отдых, вернее, если точно перевести на русский язык, — отдохновение. У меня два сына. Старший учится на архитектора, первокурсник, а второй сын ходит в четвертый класс школы. Мы люди неспешные, консервативные. У меня, например, маленький круг друзей: художники, скульпторы, люди иных профессий. Друг друга знаем еще с конца 60-х годов, со времен хиппи и «Битлз». Мне повезло, жена такой же идеалист, поэтому если случаются у нас финансовые проблемы, то она не давит, не упрекает. И вообще деньгам мы не придаем такого значения, какое им придают ныне все окружающие. Какое-то безумие, только и слышишь — деньги, деньги...

— Трудно представить себе, что было бы, если бы вы не получили на сочинении двойку. Подозреваю, по натуре вы фаталист. Верите в судьбу!

— Со всей искренностью. Убежден, что в этой жизни от нас зависит очень мало. Бессмысленно менять русла рек. Как это говорят: от судьбы не убежишь? Стало быть, мне было не начертано после экзаменов вернуться в родной городок, сесть за руль трактора, трудиться в колхозе, а теперь мучиться фермером. Судьба избрала иной путь. Плохой, хороший, легкий, трудный — это мой жизненный путь. Не хочу заглядывать далеко вперед. Кто знает, может, и поставлю «Короля Лира». Что-то должно измениться во всех нас...

Николай ЛАШКЕВИЧ,
«Известия».

Такой знаменитый, а денег нет

— Любимый — последний спектакль. Спектакли, как дети, которых у тебя отобрали. Бессмысленно и глупо творить на века. Спектакль — это не памятник, который простоит триста и больше лет.

— Сейчас у вас нет своего театра. Более года назад вы ушли из Молодежного театра в Вильнюсе, где работали свыше 10 лет. Ушли, отягощенный интригами, засильем, как вы однажды выразились в одном из интервью, «швондеров», на вольные режиссерские хлеба. Были безработным, безденежным — и это с вашими-то дипломами, лауреатством, признанием...

— Ну и что? Более полугодом нигде не работал. Как жил? Перебивался как мог. Семья не голодала, были кое-какие деньги. Если бы не надо было семью кормить, то вообще нигде бы не работал. Лежал бы на диване, телевизор смотрел. Люблю лентяйничать. Сейчас работаю в LIFE, организации, занятой подготовкой международного театрального фестиваля в Вильнюсе и постановкой отдельных спектаклей. С его помощью успел поставить «Маленькие трагедии» Пушкина. Нисколько не переживаю, что нет «Театра Некрошюса», «своего театра». Какой свой? Своими могут быть волосы, руки, уши. «Свой театр» — это иллюзия, самообман. А из Молодежного театра ушел, потому что сложилась патовая ситуация. Был единственный выход — уйти.

— И все же согласитесь, это непростой шаг. Столько всего с этим театром связано...

— А может, наоборот, мне повезло, что случился такой биографический поворот в судьбе — как знать. Куда больше другие жизненные невзгоды и падения. После смерти отца в 1983 году я заболел. Началась сильная депрессия. Долго лечился. Даже в Москве. Вот это действительно тяжело. Я был очень близок с отцом. Он